

БУРЖУАЗНЫЕ ИСТОРИКИ О БОРЬБЕ СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В 1933—1935 гг.

В. Г. ПОЛЯКОВ

Идея обеспечения коллективной безопасности в Европе — одна из кардинальных линий внешней политики Советского Союза. Эту линию с ленинской принципиальностью, настойчивостью и вместе с тем гибкостью проводила в жизнь советская дипломатия на протяжении всего периода между первой и второй мировыми войнами. Но, пожалуй, именно в 30-х годах задача сплочения миролюбивых сил становится проблемой № 1 не только европейской, но и мировой политики. И для этого, как известно, были веские основания.

Захват власти в Германии гитлеровцами, открыто провозгласившими своей целью насильственный передел мира, серьезно осложнил международную обстановку. Рассеять грозные тучи войны могло лишь создание объединенного фронта государств, готовых сообща противостоять фашистской угрозе. Такова была главная цель внешней политики СССР в 30-е годы.

В настоящее время даже на Западе вряд ли найдется человек, мало-мальски знакомый с историей международных отношений новейшего времени, который будет отрицать, что создание антигитлеровской коалиции явилось бы непреодолимой преградой на пути фашистской экспансии. Однако этого не произошло, ибо правящие круги западных держав, и в первую очередь Англии и Франции, не пожелали принять советские предложения, направленные на коллективное предотвращение новой мировой бойни. Более того, своей политикой поощрения агрессора и сговора с ним тогдашние правители Англии, Франции и стоявших за их спиной США способствовали возникновению второй мировой войны.

Реакционные историки и публицисты всячески стремятся обелить внешнюю политику западных держав и снять с них прямую ответственность за пособничество гитлеровцам в развязывании второй мировой войны. Вместе с тем до сих пор не прекращаются попытки представить в ложном свете политику Советского Союза, исказить подлинный смысл и мотивы его внешнеполитических акций. Следует, однако, отметить, что при характеристике внешней политики Советского государства середины 30-х годов буржуазные авторы, в других случаях не останавливающиеся перед самыми злобными выпадами в адрес СССР, вынуждены проявлять известную «сдержанность» и «умеренность», а порою даже признавать «разумность» позиции Советского Союза. Причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что именно 30-е годы вошли в историю международных отношений новейшего времени как период неустанных усилий, которые прилагало первое в мире социалистическое государство во имя одной цели — предотвратить войну, отстоять мир. Многочисленные предложения, с которыми выступала советская дипломатия в эти годы, предложения, ставшие лучшим выражением идей мира и безопасности народов, еще слишком свежи в памяти людей, их нельзя вытравить грубыми домыслами или замалчиванием. Отсюда — поиски буржуазными историками и идеологами способов такой подачи исторического материала, которая,

создавая видимость объективности, а порой и доброжелательного отношения к СССР, тонко проводила бы концепции, выгодные нынешнему политическому курсу ведущих империалистических держав. Рассмотрим, как освещается борьба СССР за европейскую безопасность в 1933—1935 гг. в некоторых общих и специальных работах, вышедших на Западе в последнее время.

Прежде всего заслуживает внимания монография американского историка-международника У. Э. Скотта «Союз против Гитлера. Происхождение франко-советского пакта»¹ — по сути дела первая в зарубежной историографии работа, где делается попытка детально рассмотреть политику Советского Союза в 1933—1935 гг. Оговоримся с самого начала: в книге Скотта имеется ряд правильных и в целом не вызывающих возражений положений. Ее автор принадлежит к так называемому «академическому направлению» в буржуазной исторической литературе — он как будто стремится соблюсти объективность в манере изложения материала, языка, цитирования источников. Нельзя не подчеркнуть, что, в отличие от многих своих коллег, Скотт отмечает большое значение советско-французского договора о взаимопомощи от мая 1935 г. для сохранения мира в Европе и нейтрализации гитлеровской угрозы. От внимания читателя не ускользнет и ценное признание автора о том, что советская дипломатия энергично добивалась скорейшего заключения этого договора. Весьма любопытны сообщаемые в книге дополнительные данные, почерпнутые автором из самых различных источников, о позиции ряда видных политических и военных деятелей III республики (в том числе Поль-Бонкура, Даладье, Леже, Лаваля, Гамелена и др.), по проблемам советско-французских и франко-германских отношений.

И все же красной нитью через всю монографию проходит стремление автора умалять роль Советского Союза в международных делах в 30-е годы, доказать «ограниченность» его политических и военных возможностей, поставить под сомнение искренность мотивов, которыми руководствовалась советская дипломатия, выступая с той или иной внешнеполитической акцией. Одновременно Скотт всячески подчеркивает роль Франции, пытаясь представить дело таким образом, будто французской стороне принадлежала главная инициатива во всех дипломатических начинаниях, связанных с созданием системы коллективной безопасности в Европе в 1933—1935 гг.

Детально прослеживая историю переговоров о заключении Восточно-европейского пакта, автор по существу молчит о том, что как раз Советский Союз добивался обеспечения наиболее эффективных средств предотвращения агрессии, что как раз СССР стремился к тому, чтобы в намечаемом пакте участвовало максимально большее число государств, и настаивал на том, чтобы договор предусматривал всестороннюю, в том числе военную, помощь в случае нападения на одного из его участников. Если верить Скотту, Советский Союз отнюдь не хотел участия Германии в Восточноевропейском пакте и рассматривал вопрос о приглашении ее присоединиться к пакту как своего рода «тактический маневр», диктуемый обстоятельствами. Но это утверждение находится в явном противоречии с исторической истиной. Решительно выступая против вооружения Германии и осуждая политику потакания ее агрессивно-реваншистским домогательствам, Советский Союз в то же время проявлял полную готовность создать такие условия, которые обеспечили бы и безопасность самой Германии. Вот почему Советское правительство положительно отнеслось к идее участия Германии в намечаемой системе коллективной безопасности, хотя и считало, что отказ Германии от присоединения к Восточному пакту не должен помешать его заключению².

Стремление советской дипломатии добиться скорейшего заключения Восточно-европейского пакта, а затем и франко-советского договора Скотт объясняет «страхом» Советского Союза перед Германией и «боязнью» остаться в одиночестве в случае гитлеровского нападения. Если верить автору, то франко-советский договор был нужен прежде всего Советскому Союзу из-за его «военной слабости», а также «острой заин-

¹ W. E. Scott. Alliance against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pact, Durham, 1962.

² «Внешняя политика СССР». Сб. документов, т. III (1925—1934 гг.). М., 1945, стр. 762—763; см. также «Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг.» (подборка документов), «Международная жизнь», 1963, № 6, стр. 155; № 8, стр. 188.

тересованности» в расширении торговли с Францией³. Но сформулировав и не раз повторив этот тезис в ходе изложения, Скотт так и не смог его доказать. Более того, далее он сам оказывается вынужденным признать, что во франко-советском союзе в первую очередь заинтересован был Париж: перспектива дальнейшего усиления германского милитаризма, не скрывавшего своих агрессивных намерений, заставляла Францию торопиться с оформлением своих союзных отношений с СССР. И здесь, как это видно из книги, одним из решающих факторов, окончательно склонивших руководителей французской политики к необходимости достижения соглашения с Советским Союзом, явился неуклонный рост военной и экономической мощи Советского государства. Выясняется также, что Париж не менее, чем Москва, был заинтересован и в развитии франко-советских торговых связей⁴.

Искаженно трактуется в работе Скотта вступление Советского Союза в Лигу Наций. Американский историк обходит молчанием тот факт, что решение СССР вступить в Лигу Наций было одним из важных звеньев в цепи его внешнеполитических мероприятий с целью обеспечения коллективного отпора агрессору, и полагает, что отношение СССР к этой международной организации определялось «симпатиями» и «антипатиями» руководителей НКВД — Г. В. Чичерина и М. М. Литвинова. Так, Чичерин «ненавидел» Лигу, «высмеивал» и поносил ее. Поэтому-де до тех пор, пока он возглавлял Наркомат иностранных дел, не могло быть и речи о вступлении Советского Союза в Лигу Наций. Положение изменилось, читаем мы в книге, когда наркомом был назначен М. М. Литвинов. Его «антигерманские настроения» и «профранцузские симпатии» поданы у Скотта чуть ли не в качестве решающего фактора, определившего пересмотр советской позиции в отношении Лиги⁵.

Почти ничего не узнает читатель и о деятельности советской дипломатии в самой Лиге Наций в рассматриваемый период. А ведь даже такие консервативные буржуазные авторы, как англичанин Ф. Уолтерс, американец Э. Рубинштейн и др., делают на этот счет весьма примечательные признания. «С 18 сентября 1934 г. (дата вступления СССР в Лигу Наций.— В. П.) вплоть до периода, отделенного несколькими месяцами от начала второй мировой войны,— пишет Уолтерс,— Россия оставалась убежденным поборником Лиги. Ее позиция в Совете и Ассамблее, ее отношение к державам-агрессорам куда более соответствовали принципам статута Лиги, чем позиция любой другой великой державы. Именно России принадлежала ведущая роль в вопросах безопасности»⁶.

В заключительной части книги Скотт дает общую оценку советской внешней политики в первой половине 30-х годов, утверждая, что она представляла собой «почти классическое проявление» концепции «равновесия сил». Вряд ли есть необходимость специально говорить о том, что любая попытка рассматривать деятельность советской дипломатии сквозь призму этой внешнеполитической доктрины империализма порочна в самой своей основе и такого рода подход может лишь привести к ложным выводам, что и получилось у У. Э. Скотта.

К позиции Скотта близка точка зрения другого американского историка Р. Уорта. В своей монографии «Советская Россия в мировой политике» Уорт уделяет значительное место рассмотрению советской внешней политики в 30-е годы. Автор пишет о стремлении Советского Союза к развитию дружественных связей с государствами Запада, в первую очередь с Францией и Англией. По мнению Уорта, если Советскому Союзу так и не удалось, несмотря на все его усилия, наладить тесное сотрудничество с Англией, то виной этому была позиция Лондона. Как прямо заявляется в книге, решающее слово в определении британской позиции в международных делах в 30-е годы

³ W. E. Scott. Op. cit., p. 3—4. Заметим, что развиваемый Скоттом тезис о мнимой военной и экономической слабости СССР как якобы первопричине его выступления в поддержку коллективной безопасности характерен для работ многих буржуазных авторов (см., напр., W. Langer and S. E. Gleason. The Challenge to Isolation, N. Y., 1962, p. 96; R. Albrecht-Carrié. France, Europe and the Two World Wars, N. Y., 1961, p. 309; W. Kulski. Peaceful Coexistence. An Analysis of Soviet Foreign Policy, N. Y., 1959, p. 140—141 и др.).

⁴ W. E. Scott. Op. cit., p. 118—120; 147—148; 194—197; 213; 265—266.

⁵ Там же, стр. 198.

⁶ W. P. Walters. A History of the League of Nations, London, 1952, p. 585.

принадлежало тем политикам, промышленным и финансовым магнатам, которые рассматривали фашизм как оплот Запада в борьбе против коммунизма⁷.

Однако, сделав эти признания, полностью соответствующие исторической истине, Уорт, подобно Скотту, излагает развитие международных событий так, что у читателя невольно создается впечатление, что главными поборниками и проводниками политики коллективной безопасности в рассматриваемый период были наиболее дальновидные представители французских правящих кругов, в частности Л. Барту. Споры нет, Барту был выдающимся государственным деятелем Франции, он лучше и раньше многих своих коллег понял, какую угрозу для его страны и всей Европы представляет милитаристская Германия. Заслуги Барту по сплочению неагрессивных европейских государств в едином фронте коллективной безопасности хорошо известны, и их никто не собирается отрицать. Однако было бы в корне неправильно представлять дело таким образом, будто бы Франция Барту, Эррио и Поль-Бонкура являлась инициатором всех внешнеполитических начинаний 30-х годов, направленных на создание системы коллективного противодействия нацистским агрессорам. Ведь ныне хорошо известно, что первоначальный проект Восточноевропейского пакта о взаимной помощи был выдвинут советской стороной, что именно советская дипломатия прилагала самые большие усилия для его скорейшего заключения. Весьма характерно, что сам Барту не считал себя инициатором предложения о заключении Восточноевропейского пакта⁸.

Можно далее напомнить, что, когда в результате позиции, занятой рядом европейских государств и в том числе самой Францией, переговоры о Восточноевропейском пакте были фактически прекращены и шло обсуждение советско-французского договора о взаимной помощи, Советское правительство прилагало максимум усилий, чтобы этот договор стал реальной гарантией от агрессии. Именно таков был смысл всех предложений, которые вносились советской стороной в ходе переговоров и, в частности, одного из наших центральных предложений — о включении в текст специального пункта о немедленном вступлении договора в силу в случае нападения на одного из его участников. И как раз против этого условия особенно упорно возражали тогдашние руководители французской политики⁹.

Все эти вопросы обойдены в работе Уорта. Пытаясь проанализировать внешнеполитическую линию Советского Союза на стыке 20-х и 30-х годов, Уорт зачастую оперирует терминами «коренной пересмотр», «радикальное изменение» и т. д. Буржуазный историк никак не может понять, что внешнеполитическая линия Советского государства на всех этапах его существования была и остается одной — линией борьбы за мир, против империалистической агрессии. Формы и направления этой борьбы могли меняться в зависимости от конкретных условий развития международной обстановки. Вот почему, когда в 30-х годах над Европой нависла реальная угроза войны и на повестку дня была поставлена задача объединения всех неагрессивных государств, Советское правительство развернуло широкую борьбу за создание системы коллективной безопасности. Вступление СССР в Лигу Наций отнюдь не было «внезапной акцией», связанной с «личной позицией М. М. Литвинова», как это вслед за Скоттом стремится внушить Уорт, а представляло собой конкретное проявление последовательного внешнеполитического курса — курса на укрепление мира и предотвращение новой войны, который (что, разумеется, никто не будет отрицать) с большим мастерством проводил в жизнь М. М. Литвинов.

Профессор Пенсильванского университета Э. Рубинштейн в книге «Внешняя политика Советского Союза»¹⁰ пытается доказать, что в СССР «далеко не сразу» поняли ту опасность, которую представлял для мира германский фашизм. Для «обоснования» этого надуманного тезиса автор ссылается на Отчетный доклад ЦК ВКП(б) XVII съезду партии (январь 1934 г.), в котором-де не было «никаких резкостей» в отношении Германии и даже подчеркивалась наша заинтересованность в сохранении добрососедских отношений с ней.

⁷ R. W a r t h. *Soviet Russia in World Politics*, L., 1964, p. 187—188.

⁸ См., напр., «Documents on German Foreign Policy. 1918—1945», Series «C», vol. II, L., 1959, p. 880—881.

⁹ См. «Международная жизнь», 1963, № 10, стр. 153—156.

¹⁰ «The Foreign Policy of the Soviet Union», ed. by A. Z. Rubinstein, N. Y., 1960.

Но в данном случае умышленно смешиваются два различных вопроса. Советский Союз, последовательно проводя свою внешнеполитическую линию, всегда проявлял готовность к мирному сосуществованию со всеми странами, независимо от их социального и политического строя. Не возражал Советский Союз против поддержания нормальных отношений, развития взаимовыгодных экономических и торговых связей и с Германией даже после того, как в Берлине было сформировано правительство, возглавляемое национал-социалистами, тем более, что это правительство в первые месяцы своего существования как будто тоже проявляло заинтересованность в сохранении установившихся в предшествующие годы нормальных отношений с СССР. Но стремление Советского правительства к поддержанию нормальных отношений с Германией отнюдь не означало, как утверждает Рубинштейн, что СССР вплоть до 1934 г. «тешил себя иллюзиями» в отношении подлинных целей Гитлера и не понимал, какую опасность они таили для дела европейского мира¹¹. Факты — а они не могут быть неизвестны Рубинштейну — говорят как раз об обратном. Именно в Советском Союзе яснее, чем где-либо, отдавали себе отчет в том, что с установлением нацистской диктатуры в Германии угроза войны непосредственно приблизилась не только к границам СССР, но и к границам других миролюбивых государств. И не только отдавали отчет, но и предпринимали конкретные шаги, чтобы нейтрализовать эту опасность (как, впрочем, и опасность, четко вырисовавшуюся к этому времени в другой части земного шара — на Дальнем Востоке — со стороны милитаристской Японии). Уже в феврале 1933 г. Советское правительство предложило Всеобщей конференции по разоружению принять декларацию об определении агрессии и нападающей стороны. Выдвигая это предложение, правительство СССР исходило из необходимости в интересах всеобщей безопасности определить возможно более точным образом понятие «нападение», чтобы предупредить всякие попытки его оправдания. В декабре 1933 г. ЦК партии по предложению МИД СССР принял специальное решение о развертывании борьбы за коллективную безопасность, в котором предусматривалась возможность вступления Советского Союза в Лигу Наций и заключения регионального соглашения о взаимной помощи с участием широкого круга государств. Известно также, что к этому времени между Парижем и Москвой уже существовали тесные контакты по вопросу установления сотрудничества между обеими странами¹².

Рубинштейн признает, что вступление СССР в Лигу Наций свидетельствовало о «твердой решимости» Советского Союза противостоять угрозе со стороны Германии и Японии путем совместных действий с западными державами. Однако, продолжает автор, «такое сотрудничество не удалось наладить из-за отсутствия взаимопонимания, что явилось результатом прошлых антагонизмов и подозрений, а также взаимных идеологических распрей, которые, по сути дела, исключали возможность достижения соответствующих политических соглашений» (стр. 114). Этот «уравнительный подход» американского историка явно несправедлив по отношению к СССР. Разве Советский Союз и его представители в Лиге Наций не делали максимум зависящего от них, чтобы добиться этого сотрудничества, разве они не предостерегали руководителей западных держав буквально на каждой сессии Лиги, в каждой ее комиссии, что германский милитаризм угрожает безопасности всех европейских государств и необходимо занять единую твердую позицию решительного противодействия агрессивным устремлениям фашистского рейха?

К сожалению, читатель не найдет в работе Рубинштейна ответа на эти вопросы. Что же касается последующих рассуждений автора, то в них поражает причудливое переплетение отдельных верных мыслей и наблюдений о внешней политике СССР в 30-е годы (например, об активных выступлениях советской дипломатии в защиту стран — жертв фашистской агрессии) с досужими домыслами и враждебными выпадами в адрес Советского государства (типа утверждения о том, что СССР, якобы действуя за спиной Англии и Франции, в 1936 г. пытался достичь сговора с гитлеровской Германией). Назначение подобных заявлений понять нетрудно — «обосновать»

¹¹ Там же, стр. 86—88.

¹² См. Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.), М., 1964, стр. 202—204; З. С. Белоусова. Французская дипломатия накануне Мюнхена, М., 1964, стр. 15—17.

«законность» сомнений Лондона и Парижа в отношении советской политики, доказать, что на СССР «нельзя положиться», что он-де «ненадежный партнер» в международных делах.

Американский историк А. Фэрниа в своей работе «Дипломатия умиротворения», явно претендующей на исчерпывающую характеристику международных отношений в 30-е годы, также касается вопросов внешней политики Советского государства. Но в своем «анализе» советской внешней политики Фэрниа «идет дальше», чем Скотт, Рубинштейн и Уорт. Фэрниа стремится доказать, что, поддерживая идею сотрудничества с Францией и другими капиталистическими государствами, Советский Союз преследовал не просто «узкокорыстные», но и даже агрессивные цели, пытаясь «распространить коммунистическое влияние в Западной Европе». Одновременно он, ловко манипулируя фактами и замалчивая те из них, которые не укладываются в рамки его построений, сводит до минимума роль СССР в международных делах. Читая работу Фэрниа, поистине диву даешься, как ее автор, которого издатели книги рекомендуют читающей публике в качестве видного специалиста по истории международных отношений, ухитрился почти полностью обойти роль Советского Союза в борьбе за коллективную безопасность, за обуздание фашистских агрессоров. Советский Союз предстает на страницах произведения американского историка не как великая держава, активно воздействующая на развитие международных отношений в рассматриваемый период, а как своего рода объект «большой политики» других европейских держав, в первую очередь, Англии и Франции, которые будто бы позволяли себе поступать с ним, как заблагорассудится. Якобы инертной и пассивной позиции Советского Союза в книге противопоставляется энергичная деятельность французской дипломатии, стремившейся, если верить Фэрниа, «надежно привязать Советский Союз к своей политике сдерживания Германии»¹³.

И надо сказать, Фэрниа отнюдь не одинок в фальсификаторских построениях подобного рода. Дополнительное тому подтверждение — монография профессора Колумбийского университета француза Р. Альбрехт-Каррье¹⁴. Рисуя широкую картину международных событий в 30-е годы, автор пытается представить политику правящих кругов Англии, Франции и США как якобы направленную на защиту некой абстрактной «западной цивилизации», «западных культурных и моральных ценностей», которым-де угрожали два, по сути дела, одинаково опасных противника — гитлеровская Германия и Советский Союз. Будучи занят в основном проблемами укрепления позиций «мирового коммунизма», СССР, уверяет Каррье, «очень медленно» осознавал необходимость коллективных действий против гитлеризма и «с колебаниями» шел на сближение с западными державами.

Само собой разумеется, что в подобного рода схеме не остается места и для какой-либо советской инициативы в международных делах. Советский Союз, внушает Каррье, попросту следовал в фарватере французской политики, и в Лиге Наций советские представители лишь повторяли тезисы, сформулированные французской дипломатией. Прощедив сквозь зубы признание о том, что сохранение мира и статус-кво все-таки соответствовали интересам Советского Союза, автор затем вновь пережевывает избитые домыслы о «внутренней слабости» СССР в 30-е годы, «ненадежности» его политических руководителей и т. д. Вывод из этих фальсификаторских построений напрашивается сам собой — не могло и не может быть искреннего и эффективного сотрудничества между государствами, принадлежащими к противоположным социальным системам, даже если они оказываются перед лицом общей опасности.

Тенденциозно трактуется внешняя политика Советского Союза в 30-е годы и в многотомном труде «История международных отношений», написанном под редакцией и при непосредственном участии академика П. Ренувена — одного из виднейших представителей так называемой умеренно-республиканской школы современной французской буржуазной историографии¹⁵. Нет необходимости давать здесь общую оценку

¹³ A. Furnia. The Diplomacy of Appeasement. Anglo-French Relations and the Prelude to World War II: 1931—1938. Washington, 1960, p. 88, 391.

¹⁴ R. Albrecht-Carrié. Op. cit.

¹⁵ «Histoire des relations internationales publiée sous la direction de P. Renouvin». Tome huitième. Les crises de XX-e siècle, Paris, 1958.

названному труду, ибо это уже сделано в советской исторической литературе¹⁶. Отметим, однако, одну характерную особенность концепции Ренувена применительно к анализу событий рассматриваемого периода — стремление доказать, что как Франция, так и Советский Союз с большими сомнениями и колебаниями шли на взаимное сотрудничество и участие в системе коллективной безопасности. Что касается позиции правящих кругов Франции, то Ренуven, безусловно, прав; в отношении же Советского Союза — это настоящий вымысел, который не становится более убедительным, когда французский историк начинает повествовать о мифических разногласиях М. М. Литвинова с другими советскими государственными деятелями, якобы выступавшими против политики коллективной безопасности, и доказывать, что в СССР были также сильны позиции сторонников «умиротворения» гитлеровской Германии¹⁷.

Со взглядами Ренувена перекликается и позиция другого видного французского историка-международника Ж.-Б. Дюрозеля. За последние годы Дюрозель выпустил две работы, в которых в той или иной степени рассматриваются интересные нас вопросы. Это «История международных отношений с 1919 г. до наших дней» (третье издание вышло в 1962 г.) и статья «Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г.», в основу которой положен доклад, прочитанный автором на франко-советской конференции историков в Москве в 1961 г.¹⁸.

Заметим сразу же, что эти работы разнятся не только по своему объему, кругу освещаемых в них проблем, но и по подходу к рассматриваемым вопросам. В «Истории международных отношений» читатель не найдет почти ни слова о борьбе Советского Союза за коллективную безопасность в Европе в 30-х годах. Зато ему вновь навязывается знакомый по другим книгам буржуазных авторов тезис: попытки создания коллективной безопасности в Европе, подготовка проектов Восточноевропейского пакта и франко-советского договора о взаимопомощи — плод энергичных усилий французской дипломатии. Что касается Советского Союза, то он, утверждает Дюрозель, без энтузиазма и «с оговорками» присоединялся к вырабатывавшимся в Париже проектам.

В статье «Луи Барту и франко-советское сближение» картина налаживания сотрудничества между СССР и Францией выглядит не столь упрощенно. Хотя Дюрозель не отказывается от своего тезиса о доминирующей роли Парижа в выработке проектов коллективной безопасности в 1933—1935 гг., тем не менее рядом с Барту и его коллегами почти всюду присутствуют советские дипломаты, фигурирующие уже как соавторы Восточноевропейского пакта и договора о взаимопомощи.

Вопросы истории международных отношений и внешней политики СССР в 30-х годах в той или иной степени рассматриваются также в работах известных английских историков Ч. Вебстера и А. Дж. П. Тейлора¹⁹, американских историков и публицистов Р. Стромберга, Н. В. Рязановского, У. Хейла, Г. Ф. Армстронга²⁰, мемуарах видных французских политических деятелей К. Шотана и П. Рейно²¹ и др. Сравнительно с разобранными выше книгами чего-либо принципиально нового эти работы не содержат. Большинство названных авторов признает, что Советский Союз выступал сторонником коллективной безопасности и сотрудничества с западными державами с целью совместного противодействия фашистской агрессии, но утверждает, что он преследовал при этом лишь свои эгоистические цели, к тому же не прекращал «враждебной пропаганды» на Западе, — это и предопределило-де неудачу попыток объединить СССР,

¹⁶ См., напр., «История международных отношений и внешней политики СССР. 1917—1939 гг.», под ред. В. Г. Трухановского, т. 1, М., 1961, стр. 658—661.

¹⁷ J.-B. Renouvin. Op. cit., p. 45, 82—83.

¹⁸ J.-B. Duroselle. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours, Paris, 1962; Его же. Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г., «Французский ежегодник. 1961», М., 1962, стр. 444—457.

¹⁹ Ch. Webster. Munich Reconsidered. A Survey of British Policy. «International Affairs», April, 1961; A. J. P. Taylor. The Origins of the Second World War, L., 1961.

²⁰ R. Stromberg. Collective Security and American Foreign Policy, N. Y., 1963; N. V. Riasanovsky. A History of Russia, N. Y., 1963; «America and Russia. A Century and a Half of Dramatic Encounters», ed. by O. Jensen, New York, 1962; «The Soviet Union 1922—1962», ed. by Ph. Mosely, N. Y., 1963.

²¹ C. Chautemps. Cahiers secrets de l'armistice (1939—1940), Paris, 1963; P. Reynaud. Mémoires, t. II. Envers et contre tous, Paris, 1963.

Англию и Францию в общем антигитлеровском фронте накануне второй мировой войны.

Особняком стоит группа работ тех буржуазных историков, которые не ограничиваются простым изложением своих «сомнений» в отношении целей и мотивов советской дипломатии в 30-е годы и отдельными нападка на внешнеполитический курс СССР. Извращая буквально все внешнеполитические акции Советского правительства, они договариваются до того, что объявляют политику коллективной безопасности «коварной тактикой Советов», якобы стремившихся спровоцировать войну между англо-французским блоком и странами фашистской «оси». Весьма показательна в этом отношении объемистая книга профессора истории Бруклинского колледжа (США) Дж. Д. Кларксона «История России с девятого века», в которой утверждается буквально следующее: советская дипломатия в 30-х годах делала главную ставку на «вовлечение капиталистических государств в братоубийственную... войну, из которой мог бы извлечь выгоды только Советский Союз»²².

Не удивительно, что, сформулировав подобный тезис в качестве краеугольного камня «исследования» данного периода, Кларксон предлагает читателю совершенно искаженную картину развития международных отношений в предвоенные годы. Вступление СССР в Лигу Наций он изображает «тактическим ходом», предпринятым лишь потому, что СССР заранее знал, что от него «не потребуются в Лиге каких-либо действий» (!) против агрессоров. На Советское правительство и только на него возлагается вина за то, что между западными державами и СССР так и не были установлены дружественные отношения, причем в качестве одного из главных факторов, помешавших этому, названа пресловутая проблема долгов царского и Временного правительств. Подписание советско-французского договора о взаимной помощи, который, как известно, должен был послужить важным шагом на пути к созданию всеобъемлющей системы европейской безопасности, открытой для участия в ней всех государств, преподносится в книге Кларксона как акция, усугубившая «раскол Европы». Эту пирамиду венчает поистине рекордный домысел — утверждение, что, выступая на словах за создание коллективной безопасности против гитлеровской Германии, Советский Союз якобы «симпатизировал» фашизму²³.

Сказанного, нам думается, вполне достаточно, чтобы составить представление о научном уровне произведения Кларксона. Отметим лишь еще один момент, ярко характеризующий «творческую лабораторию» бруклинского профессора. В его книге немало цитат из работ и выступлений советских политических деятелей и, собрав их воедино, западный читатель мог бы получить более или менее объективное представление о политике СССР. Но автор, как говорится, «начеку»: опасаясь именно этого, он тут же подсовывает читателю грубо произвольную интерпретацию этих цитат. Так, приводя выдержку из выступления М. М. Литвинова на VIII съезде Советов, в котором нарком иностранных дел отмечал, что для западных держав фашизм представляет не меньшую опасность, чем для СССР, Кларксон делает следующий вывод: СССР решил перейти на «изоляционистские позиции» и возлагал отныне свои надежды на англо-германский вооруженный конфликт. Невероятно, но факт!

К сожалению, приходится констатировать, что досужими домыслами изобилует и работа о советской внешней политике, принадлежащая перу другого американского автора — известного историка и дипломата Дж. Кеннана. Кеннан также пытается внушить читателю мысль (естественно, без ссылок на факты, ибо таких фактов в природе не существует), что, проводя курс на коллективную безопасность, советская дипломатия стремилась столкнуть западные державы с гитлеровской Германией или во всяком случае возложить на них основное бремя войны против фашистской «оси», если бы вооруженный конфликт принял всеобщий характер²⁴. Если верить Кеннану,

²² J. D. Clarkson. A History of Russia from the Ninth Century, L., 1962, p. 766.

²³ Там же, стр. 761—763, 767.

²⁴ G. F. Kennan. Soviet Foreign Policy. 1917—1941, N. Y., 1960, p. 83—84. Миф о стремлении СССР вызвать вооруженный конфликт между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, содержится и в книге польского эмигранта В. Кульского, ныне преподающего в одном из американских университетов (W. Kulski, Op. cit., p. 140—141).

именно ради этого Советский Союз вступил в Лигу Наций, а затем подписал пакты о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Но, видимо, мысль о шаткости такого рода выкладок все же изрядно тревожила автора, так как двумя страницами ниже он решает осторожно заявить, что ему все-таки остались «неясны» мотивы, в силу которых Советский Союз столь решительно боролся за создание системы коллективной безопасности.

* * *

Борьба за мир и коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. — одна из ярчайших страниц летописи внешней политики Советского государства. Верная принципам великого Ленина, руководствуясь выдвинутой им концепцией мирного сосуществования и сотрудничества между всеми странами, независимо от различий в их социальном строе, воодушевленная стремлением избавить народы Советского Союза и все человечество от угрозы новой мировой войны, советская дипломатия твердо и неуклонно отстаивала дело мира — великое и справедливое дело.

С признательностью и уважением хранит человечество память об этих благородных усилиях советской дипломатии. Народы Европы, да и не только Европы, знают, что если бы в предвоенные годы правящие круги западных держав приняли советские предложения, направленные на совместное противодействие фашистским агрессорам и не пошли на поводу у главарей гитлеровской Германии, весь ход событий мог бы повернуться иначе — вторая мировая война, принесшая человечеству невиданные бедствия, могла бы не разразиться.

Содержание рассмотренных выше работ свидетельствует о том, что большинство буржуазных авторов, несмотря на признание неоспоримых фактов борьбы СССР за коллективную безопасность и обуздание фашистских агрессоров в 30-е годы, не дают в целом правильной оценки внешней политики Советского Союза и его роли в системе международных отношений в эти годы. Многие из них намеренно искажают предельно ясные мотивы и цели советской дипломатии. Умолчание и недомолвки, нарочитая «краткость» изложения, позволяющая избежать анализа той или иной проблемы по существу, попытки представить политический курс СССР, как сугубо «личную политику» отдельных советских руководящих деятелей — вот только некоторые широко используемые буржуазными историками приемы. Наряду с этим они тщательно затушевывают реакционную сущность внешней политики правящих кругов западных держав, ее антисоветскую направленность.

Однако, как свидетельствует появление работы Кларксона, отдельные буржуазные авторы не довольствуются столь «косвенными» выражениями солидарности с одной из главных линий пропаганды современного антикоммунизма, не ограничиваются лишь нагнетанием нарочито надуманных «сомнений» и «подозрений» относительно дипломатических акций Советского Союза в 30-е годы. Они беззастенчиво клеветают на внешнюю политику Советского государства, открыто порочат его усилия, направленные на спасение человечества от угрозы мировой военной катастрофы. И цель, которую при этом ставят реакционные буржуазные историки и публицисты, выходит далеко за рамки простого «осмысливания» событий рассматриваемого периода.

Эта цель заключается в том, чтобы помешать народам извлечь правильные уроки из недавнего трагического прошлого, оправдать проводимую ныне западными державами во главе с США политику отказа от честного и лояльного сотрудничества с Советским Союзом, политику сговора с германским милитаризмом, представляющую собой не что иное, как своеобразное воскрешение в новых условиях внешнеполитического курса Запада предвоенных лет. И это — одна из важнейших причин, почему советские ученые не должны ослаблять усилий по разоблачению буржуазных фальсификаций истории внешней политики СССР, в том числе и борьбы Советского Союза за коллективную безопасность в Европе в 30-е годы.

